

УДК 821.161.1-32(Гарин-Михайловский Н. Г.). DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-51-61.

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ш33(2Рос=Рус)5-3.

ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ПОСТИЖЕНИЕ МИРА ДЕТСТВА В РАССКАЗАХ Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО**Шестакова Е. Ю.**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

ORCID ID: 0000-0001-5764-0576

SPIN-код: 7288-8173

А н н о т а ц и я. Настоящее исследование посвящено рассмотрению особенностей художественного воплощения темы детства и образа ребенка в рассказах русского писателя второй половины XIX – начала XX вв. Н. Г. Гарина-Михайловского. В работе использовались метод описательной поэтики, сравнительно-исторический, историко-литературный, сравнительно-типологический методы, а также принцип целостного анализа идейно-художественной структуры произведения. Материалом исследования послужили рассказы «Исповедь отца», «Наташа», «Адошка» и «Дворец Дима», созданные в 1896–1901 гг. Полученные в ходе исследования результаты показали, что в малой прозе автор рассматривает вопросы воспитания и причины страданий детей. В центре рассказов Н. Г. Гарина-Михайловского находятся тема «тяжелого» детства и образ страдающего, ранимого, незащищенного ребенка. Мир детей и мир взрослых осмысливается двояко. Родители спасают ребенка от болезни и смерти. Одновременно с этим взрослые могут проявлять преступное равнодушие по отношению к хрупкости детской души. Вина за детские страдания возлагается исключительно на взрослых. Тема детской смерти в малой прозе Н. Г. Гарина-Михайловского получает трагическое осмысление. Смерть предстает возможностью освобождения ребенка от страданий и унижений. В рассказах писатель большое внимание уделяет разным типам портретов героев, в которых подчеркиваются их раннее «старение», болезненность, глубина переживаемой тяжести бытия. Н. Г. Гарин-Михайловский сосредотачивается на специфике мировосприятия ребенком людей, окружающего мира, проявленной в «остраненной» форме изображения, воспринятой от Л. Н. Толстого. Автор вводит в повествование несобственно-прямую речь, разные виды монологов (исповедальный, обращенный, уединенный), использует приемы «диалога глаз», психологического параллелизма, антропоморфизации. В описании темы детских страданий Н. Г. Гарин-Михайловский следует традиции русской литературы XIX века (Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. И. Куприн, В. Г. Короленко). Жанр «рождественского» рассказа стал основой для решения темы детских страданий. Результаты исследования могут использоваться в вузовском преподавании дисциплины «История русской литературы», спецкурсов, рассматривающих специфику отечественного литературного процесса, на уроках внеклассного чтения в школе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тема детства; образ ребенка; Н. Г. Гарин-Михайловский; рассказы; проблемы воспитания

Д л я ц и т и р о в а н и я: Шестакова, Е. Ю. Постигание мира детства в рассказах Н. Г. Гарина-Михайловского / Е. Ю. Шестакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 51–61. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-51-61.

**EXPLORATION OF THE WORLD OF CHILDHOOD
IN THE SHORT STORIES BY N. G. GARIN-MIKHAILOVSKY****Elena Yu. Shestakova**

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

A b s t r a c t. The study looks at the specific features of artistic realization of the theme of childhood and the image of a child in the short stories of the Russian writer of the second half of the 19th – early 20th centuries N. G. Garin-Mikhailovsky. The author employs the method of descriptive poetics, the comparative-historical, historical-literary, and comparative-typological methods, as well as the principle of comprehensive analysis of the ideological and artistic structure of the work. The practical research material comprises the short stories “Confession of a Father”, “Natasha”, “Adochka” and “Dima’s Palace”, created in 1896–1901. The results obtained in the course of the study show that in his short prose, the author examines the issues of upbringing and the causes of children’s suffering. Garin-Mikhailovsky’s short stories focus on the theme of “difficult” childhood and the image of a suffering, vulnerable, and defenseless child. The world of children and the world of adults are interpreted in two ways. The parents save their child from illness and death. At the same time, adults can show criminal indifference towards the fragility of the child’s soul. The blame for children’s suffering is placed solely on adults. The theme of child’s death in the short prose of Garin-Mikhailovsky receives a tragic interpretation. Death appears as an opportunity for the child to get free from suffering and humiliation. In his short stories, the writer pays great attention to different types of portraying characters, which emphasize their early “aging”, illnesses, and the depth of the experienced hardships of life. Garin-Mikhailovsky focuses on the specificity of the child’s view of the people and the world around them, manifested in the “detached” form of depiction, adopted from L. N. Tolstoy. The author introduces indirect speech into the narrative, different types of monologues (confessional, addressed, solitary), uses the techniques of “dialogue of the eyes,” psychological parallelism, and anthropomorphism. While describing children’s suffering, Garin-Mikhailovsky follows the tradition of the Russian literature of the 19th century (F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, A. I. Kuprin, and V. G. Korolenko). The genre of the “Christmas” short story became the basis for solving the problem of children’s suffering. The results of the study can be used in teaching the university course “History of Russian Literature”, in special courses aimed to examine the specificity of the domestic literary process and at extracurricular reading lessons at the secondary school.

K e y w o r d s: the theme of childhood; image of a child; N. G. Garin-Mikhailovsky; short stories; problems of upbringing

For citation: Shestakova, E. Yu. (2024). Exploration of the World of Childhood in the Short Stories by N. G. Garin-Mikhailovsky. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 2, pp. 51–61. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-51-61.

Введение

Творческое наследие Н. Г. Гарина-Михайловского оказалось в центре внимания исследователей довольно давно. Осмыслению художественной картины мира писателя, его социальных и философских взглядов, творческой манеры посвящены работы Г. А. Бялого [Бялый 1954], К. Д. Гордович [Гордович 2014], Н. Д. Курьшевой [Курьшева 1955], Л. А. Туманян [Туманян 1952], И. М. Юдиной [Юдина 1969]. Тема детства в произведениях Н. Г. Гарина-Михайловского стала предметом изучения в трудах М. А. Крыловой [Крылова 2000], Л. Н. Савиной [Савина 2002], Е. В. Никольского [Никольский 2013], В. В. Прокопьева [Прокопьева 1964], А. Ф. Цирулева [Цирулев 2015] и др. Вместе с тем требует детального рассмотрения вопрос о приемах художественного воплощения темы детства в малой прозе писателя, специфике риторических конструкций, средствах образности, использованных автором при воссоздании особенностей детского мировосприятия. В этом состоит новизна работы.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей художественного воплощения темы детства в рассказах Н. Г. Гарина-Михайловского. При разработке и раскрытии темы использовались метод описательной поэтики, заключающийся в анализе художественных текстов в соответствии с поставленной целью; сравнительно-исторический, историко-литературный, сравнительно-типологический методы, а также принцип целостного анализа идейно-художественной структуры произведения. Материалом исследования послужили рассказы Н. Г. Гарина-Михайловского «Исповедь отца» (1896), «Адочка» (1898), «Наташа» (1901), «Дворец Дима» (1901).

Теоретической базой стали работы М. И. Бондаренко, Ю. М. Лотмана, Е. И. Ляпушкиной, Л. И. Савиной, Г. С. Сырицы, В. Е. Хализева.

Тема «тяжелого детства» в русской литературе второй половины XIX века и творчество Н. Г. Гарина-Михайловского

Творческий расцвет Н. Г. Гарина-Михайловского относится ко второй половине XIX столетия, когда в русской литературе наблюдается пристальный интерес к теме «тяжелого» детства. Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. И. Куприн, В. Г. Короленко и др. создают произведения о детях-сиротах, бедняках, лишенных нормального детства, страдающих и униженных. Внимание писателей привлекают эмоционально-психологические проблемы детей, которые воспитываются в семьях, считающихся благополучными, темы нищеты, голода и детской смерти. Авторы осуществляют глубокий анализ внутреннего мира героя-ребенка, окружающих его людей, обращаются к воспитательным вопросам. В творчестве Н. Г. Гарина-Михайловского, как и у его современников, темы «тяжелого» детства, семьи, проблема воспитания детей становятся центральными.

Тема детства и детские образы в рассказах Н. Г. Гарина-Михайловского

В малой прозе Н. Г. Гарина-Михайловского появляются образы детей, лишенных счастливого и безмятежного детства. Писатель «воссоздает историю несчастного ребенка, мужественно несущего свой крест» [Савина 2002: 76].

Дети в рассказах Н. Г. Гарина-Михайловского чаще всего не ощущают радость жизни, и «вина за это лежит на взрослых» [Там же: 74]. Главной в рассказе «Исповедь отца» становится проблема вины родителей, семьи в смерти ребенка. Писатель раскрывает историю жизни и смерти старшего сына взрослого повествователя – Коки. Описание внешности, черт характера, психологических особенностей мальчика даны с точки зрения отца, для которого «путь отцовского авторитета» [Гарин-Михайловский 1960: 40] оказывается важнее любви.

Особое внимание уделено портретному описанию героя-ребенка. Автор делает акцент на непривлекательности внешности Коки, что подчеркивают такие детали, как «тяжелый», «большая голова», неприятное выражение лица, «капризный, напряженно-раздраженный взгляд» [Там же: 38]. Отталкивающее впечатление, производимое внешностью мальчика, дополняется указанием на цвет лица («желтовато-зеленоватый»). Отец чувствует отвращение к ребенку, один взгляд на которого вызывает в нем смешанные ощущения раздражения и неприятия.

Важной особенностью в портретном описании Коки становится выделение доминантной детали, которая характеризует его внешность и «неоднократно повторяется» [Сырица 2005: 325]. В тексте такой доминантной деталью становятся «черные глаза» [Гарин-Михайловский 1960: 105]. Описание глаз мальчика является важнейшим средством, помогающим читателю сформировать собственное представление об отношении отца к сыну. Здесь находит воплощение устойчивое представление о глазах как зеркале души. Внутри ребенка, по мнению отца, заключено злое, демоническое начало, побуждающее его мучать, буквально истязать всех окружающих нескончаемыми криками. Герой сравнивает постоянный плач Коки с «воем» зверя (дьявол в христианстве уподобляется зверю).

Тема детства в творчестве писателя часто соотносится с проблемой взаимоотношений отца и сына. В повести «Детство Темы» (1892) «воссоздан процесс разрушения семейного уклада» [Савина 2002: 139]. В результате ребенок испытывает тяжелейшие нравственные страдания. У него возникает непреодолимое желание покинуть родной дом. Данная ситуация «напоминает историю “блудного сына”» [Там же: 139]. Когда Тема ломает цветок, в его сознании возникает образ отца с его суровыми методами воспитания. Для Николая Семеновича важен сам факт содеянного – за проступок виновный должен быть жестоко наказан. Подобное вос-

питание разрушает представление мальчика о любви и понимании, он учится обманывать, мечтает о смерти, становится эмоционально неустойчивым, тревожным, боязливым.

В «Исповеди отца» повествователю кажется, будто «злой и упрямо-капризный взгляд» сына, который всегда «смотрит в упор, исподлобья» [Гарин-Михайловский 1960: 38], преследует повсюду, даже когда он остается один. Взрослый герой не осознает, что такое отношение закономерно, поскольку он слишком увлечен педагогическими способами воздействия на ребенка и воспринимает его как объект воспитательного «эксперимента». Использование приема уединенного монолога позволяет показать, как отец осмысляет сам процесс воспитания. Уединенный монолог – «высказывание, осуществляемое человеком в одиночестве (буквальном) либо в психологической изоляции от окружающих» [Хализев 2002: 199]. Такой монолог тесно связан с тем, что Ю. М. Лотман называл «автокоммуникацией», в основе которой лежит ситуация «Я – Я», а не «Я – ОН» [Лотман 1992: 77]. Языковые формы, используемые автором в монологе героя, максимально сокращены, отрывочны: «О, радость: средство действует!», «Ребенок ошеломлен и стихает» [Гарин-Михайловский 1960: 39]. Это связано с особенностями внутренней речи. Отец сначала прибегает к ласке, «прижимает к груди малютку» и «очень быстро шагает с ним по комнате» [Там же: 39]. Позже, «потеряв терпение, вносит его в переднюю, ставит там на ноги» и, сказав «кричи», «быстро запирает за собой дверь» [Там же: 40]. Наконец, когда все пути утверждения «родительского авторитета» оказываются исчерпаны, отец «дает волю рукам» [Там же: 40]. И в этот момент в монолог отца органично «встраивается» речь мальчика: «Я слышал, как он, войдя в детскую, сказал возбужденно, почти весело няне: “– Няня, пойдем... Уйдем и возьмем братика. Я возьму братика, и мы уйдем от папы”» [Там же: 40]. Это позволяет оценить воспитательные усилия отца с позиции сына. По сути, основой его педагогических взглядов является отказ от непосредственного, открытого выражения любви к ребенку.

Постепенно отец замечает, что мальчик начинает внутренне от него отдаляться. И тогда впервые он чувствует пробуждение любви, жалости к своему ребенку: «Мне стало совестно, жаль его первой надорванной веры в свои силы. Мне захотелось вдруг быть не отцом, а другом, который мог бы только любить, не неся ответственности за его воспитание» [Там же: 41]. Данное высказывание строится как исповедальный монолог – «прямой, открытый, представляющий собой задушевное признание» [Хализев 2002: 311], исполненное экспрессии, ярких проявлений чувств, о чем свидетельствуют слова «совестно», «жаль», «захотелось», «любить». Повтор местоимения «мне» акцентирует внимание на том, что герой фиксирует процесс собственных внутренних изменений, касающихся его отношения к сыну.

Однако подобные проявления чувств любви и сострадания отца к сыну были мимолетны. Отец не

смог до конца осознать, что ребенок постоянно нуждается в искренней, открытой заботе. Излишнее увлечение воспитательными идеями явилось причиной дальнейшего нарастания равнодушия и дистанции в отношениях сына и отца. Смерть Коки предстает закономерным завершением этого процесса. По сути, мальчик умирает не столько от заболевания, сколько от жестокосердия близкого человека.

Описание смерти Коки является кульминацией рассказа. Значительное место здесь уделяется изображению пейзажа, понимаемому как «описание широкого пространства» [Хализев 2002: 241]. В тексте рассказа воплощается традиционное «представление о единении человека с природой, об их глубинной и нерасторжимой связанности» [Там же: 241]. Автор прибегает к приему психологического параллелизма, когда описание состояния природы соотносится с внутренними ощущениями персонажа.

Эпизод, описывающий смерть Коки, демонстрирует глубочайшую связь ребенка с миром природы. Автор, используя эпитеты («тихий, спокойный» день), сравнения («деревья, словно вздыхая от избытка счастья»), олицетворения («ветерок едва шевелил деревья») [Гарин-Михайловский 1960: 42], создает картину медленно угасающего дня и наступающего вечера. Вместе с затихающей природой умирает, словно засыпая, маленький Кока.

Перед тем, как уйти навсегда, ребенок поет «короткую песенку любви» [Там же: 42]. Предсмертное пение ребенка сравнивается с пением птицы: «Пела какая-то птичка, точно прощаясь, выкрикивая нежно-нежно какую-то чудную ласку... Этот крошка приходил сюда, на землю, чтобы спеть свою маленькую песенку любви» [Там же: 42]. Потрясенный смертью сына отец впервые осознает, что душа ребенка полна духовной чистоты и устремлена к небу. После того, как Кока испускает последний вздох, его птица-душа «смокла и, вспорхнув, утонула в небе» [Там же: 42]. Отцу кажется, будто ангел уносит нетронутую грехом детскую душу в небеса.

Смерть сына, повлекшая глубокие страдания, становится для отца импульсом к внутреннему изменению, духовному преображению. Он ощущает свою вину в том, что лишил собственного ребенка счастливого и безмятежного детства, обрек на муки и раннюю смерть: «Ты мог дать этому певцу все счастье, – оно от тебя зависело. Ты дал ему? Ты отнял у него это счастье» [Там же: 42]. Риторический вопрос, звучащий в высказывании, обращен повествователем не только к самому себе, но и к читателю и, шире, обществу. Автор вовлекает читателя в процесс рассуждений, переживаний, испытываемых отцом.

Второго сына, Гарю, взрослый герой только любит. В отношении к нему оказываются забыты все педагогические приемы. Единственное, чем одаривает отец сына, – это сердечная привязанность и всемогущее чувство любви. Когда мальчик видит отца, «глазки его сверкают огнем» [Там же: 45]. Образ огня в данном случае обретает метафорическое значение, речь идет об «огне любви», «чудном огне счастливой детской души» [Там же: 45].

Блеск любви, исходящий из детских глаз, в представлении отца не может сравниться ни с одним «сверканием драгоценных камней земли» [Там же: 45]. Автор прибегает к одному из экспрессивных художественных приемов – отрицанию, который позволяет наиболее эмоционально, открыто выразить чувства отца к сыну.

Внутренние изменения, произошедшие с героем, переданы с помощью сравнительных конструкций: «вольный, как сердце», «свободный, как мысль» [Там же: 45]. Прием лексического повтора («дарящего счастьем самой высшей на свете любви, свободной любви») [Там же: 45] придает эмоциональную напряженность, экспрессивность высказыванию, позволяет автору показать духовные изменения, произошедшие с героем, его потребность дарить любовь и жизнь своему сыну.

Смерть и страдания ребенка, на взгляд писателя, могут быть преодолены не только через духовно-нравственное изменение взрослого человека, но и с помощью общественных и государственных мер. В рассказе «Наташа» автор пытается ответить на вопрос, может ли что-то сделать для страдающих детей один человек, привлечь к решению этой проблемы общество. Речь идет об организации бесплатных столовых и оказании адресной помощи нуждающимся детям.

В начале рассказа описываются дома, в которых живут бедные семьи: «В среднем семья в пять человек живет на эти деньги ... в сырой, подвальной комнате, – с окошечком наверху, с промозглым до тошноты воздухом и грязью, о какой трудно себе составить представление, если не видел ее воочию, – живет две, три, а то и четыре таких семей» [Там же: 518]. Центральным во внутреннем монологе Молотова, оказывающего помощь голодающим детям, становится образ антидома, места, где невозможно жить ребенку. Он обращается к читателю: «Что тут можно сделать на наши восемьсот рублей?» [Там же: 518].

Молотов размышляет о том, что скудные средства, выделяемые государством, заставляя организаторов избранным кормить и одевать детей, в результате чего остальные остаются голодными, вынуждены донашивать старую одежду: «У детишек нет сапог, нет платья, нет верхней одежды... Поневоле пришлось ограничиться. Выбрали прямо по жребию пятьдесят детей. Помощь только детям, вырезая их, так сказать, из остальной семьи. Пусть хоть эти пятьдесят будут: первое – сыты, второе – одеты, третье – обуты» [Там же: 518].

В центре повествования находятся судьбы Наташи, Карася и Ани. Среди них особенно выделяется Карась. Имя мальчика отсылает к сборнику «Очерков бурсы» (1863) Н. Г. Помяловского, посвященного теме «тяжелого» детства, где главного героя, мучающегося в стенах учебного заведения, тоже звали Карась. Карась из рассказа «Наташа» никогда не знал счастливого и безмятежного детства, поэтому в его портретном описании отмечаются черты «маленького взрослого»: «Он шел сосредоточенный, с выражением человека, сделавшего очень хорошую, неожиданную сделку, уже с

реальным результатом: хлеб и щи были в брюхе, а ярлык на сапоги в кармане. Дали щей, дадут, значит, и сапоги» [Там же: 521]. Текст строится в форме несобственно-прямой речи, которая содержит слово со сниженной стилистической окраской («брюхо»), синтаксическое построение фразы, выражающее «взрослое» суждение героя («Дали щей, дадут, значит, и сапоги») [Там же: 521].

Аня, младшая сестра Наташи, главной героини рассказа, появляется лишь в нескольких эпизодах, однако производит сильное впечатление на читателя. В ее портретном описании подчеркивается безобразие («Маленькая горбатая четырехлетняя Аня»), сходство с животным («маленькие, тоненькие, как у обезьянки, ручки») [Там же: 522]. Вновь, как и в рассказе «Исповедь отца», в изображении внешности ребенка доминирует образ «черных, как уголь глаз» [Там же: 522]. Здесь он получает иную оценку: «горящие страхом, вечным предчувствием какого-то нового ужаса» [Там же: 522]. Девочка, как испуганный зверек, настороженно ожидает от жизни новой беды, горестей и несчастий.

Основное повествование сосредоточено на описании одного дня из жизни маленькой Наташи, когда она впервые была по-настоящему счастлива. Девочка испытывает огромную радость, так как досыта наелась. Автор использует сравнение: «Горячая вкусная пища согрела ее, как греет только очень голодных, – согрела и опьянила. Было хорошо, легко, хотелось еще есть» [Там же: 522]. У Наташи появляется желание «смеяться, говорить, прыгать», так как «в кармане лежит ярлык на полусапожки», скоро у нее будут «полупальчик, сапожки и юбка» [Там же: 522].

«Кружение» радостных мыслей «в голове» девочки автор сравнивает с вращением «вокруг нее снежинок» [Там же: 522]. Писатель использует прием психологического параллелизма, отмеченный нами ранее в рассказе «Исповедь отца». Девочка чувствовала себя настолько «весело и легко, точно и она сама была такой же снежинкой» [Там же: 522]. Мир в глазах радостной Наташи расцветается яркими красками, в тексте это ощущение передается с помощью изобразительных эпитетов («светлая» и «яркая» снежинка, «золотые, красные, лиловые» ниточки) [Там же: 522].

Девочка, испытывая чувство счастья, совершенно по-новому воспринимает окружающее пространство: «А там, в окнах столько вещей, каких никогда и не видала Наташа. И этой улицы не видала, этого большого фонаря над магазином, в котором, как в молоке, красный выпуклый огонек в середине» [Там же: 522]. Оппозиция свет/тьма определяет смысловое содержание эпизода. Девочке кажется, будто «тьма» (горе, страдания, нищета, голод) в ее жизни наконец рассеялась. Наташа чувствует, что свет и добро пришли в ее маленький мир.

Однако счастье ребенка оказывается недолгим. Девочка серьезно заболевает. Эпизод, описывающий мучительный уход Наташи, построен в форме несобственно-прямой речи: «Спит и Наташа, – жарко ей, и душит ее что-то во сне. Слегка

проснется, повернет шею, – ломит шею, и болит голова, точно вбили в нее что-то тяжелое, как железом» [Там же: 523].

Смерть ребенка является важным композиционно-сюжетным компонентом рассказа. Наташа умирает вскоре после самого счастливого дня в своей жизни, что придает особую трагичность финалу. Чтобы подчеркнуть это, автор описывает умершую девочку: «Она лежала в своем желтом гробике, тихая, задумчивая, покрытая новым куском колена» [Там же: 524]. Тема болезни и смерти, воплощенная в образе желтого цвета, резко контрастирует с темой радости, ожиданием новой, счастливой жизни.

Смерть Наташи обесценивает, делает, по сути, ничтожными усилия государства по оказанию помощи голодающим детям. Для рассказа характерно обрамляющее повествование: слова Молотова начинают и завершают произведение. Финальную речь героя правомерно назвать текстом-высказыванием, где «содержащаяся ... информация сопряжена с оценочностью и эмоциональностью» [Хализев 2002: 276]. Особенно «здесь значимо авторское начало» [Там же: 276].

Молотов (и вместе с ним автор) обращается к читателю – богатым людям, «дамам из интеллигентных семейств», которые могли бы «урвать из своего обихода рубль в месяц, сбегать к таким голодным, отправить куда-нибудь испорченное жаркое, недоеденную булку, старое платье» [Гарин-Михайловский 1960: 523]. Использование слова со сниженной семантикой («урвать») придает особую экспрессию речи героя. Молотов испытывает негодование при виде равнодушия «сытых» взрослых людей, проходящих мимо голодных, нищих детей. Общественная инициатива, конкретная помощь каждого человека могли бы изменить жизнь страдающего, обездоленного ребенка. Однако окружающие безразличны к судьбам детей, лишенных нормального детства. В результате они умирают, не достигнув взрослого возраста. По сути, Молотов выносит приговор обществу.

В своих рассказах Н. Г. Гарин-Михайловский обратился к проблеме взаимоотношений взрослых и детей как в рамках семейного круга, так и в масштабах всего общества. Писатель, размышляя о причинах детской смерти, указал, что в этом виноваты равнодушные взрослые. Любовь, в первую очередь родителей, на взгляд Н. Г. Гарина-Михайловского, может помочь ребенку преодолеть болезнь и смерть.

В рассказе «Адочка» в центре внимания оказывается судьба маленькой девочки. Здесь автор, как и в других рассказах, большое значение придает портретному описанию героини. В «Адочке» воссоздан тип рассредоточенного портрета, «состоящего из нескольких описаний с большей или меньшей дистантностью их расположения» [Сырица 2005: 324]. Автор выделяет индивидуальные черты внешности героини («черномазая», «щуплая») [Гарин-Михайловский 1960: 176–177], подчеркивая ее непривлекательность, невзрачность.

Доминантной чертой внешности Адочки ста-

новится «сутуловатость», или, в другом случае, указание на «немного сгорбленную фигурку» [Там же: 178]. Н. Г. Гарин-Михайловский в облике ребенка отмечает сходство со старухой. Сравнение «точно жизнь уже взвалила на ее плечи свое тяжелое бремя» [Гарин-Михайловский 1960: 179] вызывает ассоциации с пониманием жизни как бремени, тяжелой ноши, креста. Земное бытие ребенка осмысливается как путь страданий.

Психологические доминанты дополняют портретное описание внешнего облика девочки. Она «озабоченно, рассеянно вертела пуговицу его (отца – Е. Ш.) пиджака», «напряженная, озабоченная любовью» [Там же: 177]. Подчеркивается, что Адочка – «удивительный ребенок», «чуткий», «с поразительно любящим сердцем» [Там же: 177], ее душа полна тепла и света. Психологические доминанты указывают на богатый внутренний мир ребенка.

Несоответствие внешнего непривлекательного облика и внутренней, душевной красоты девочки удивляет окружающих людей. Тетя Маша, впервые увидев Адочку, начинает ощущать необыкновенный прилив сил. Описывая это воздействие, автор использует глаголы движения («чуть не задушила» в объятиях, «села и расплакалась», «всхлипывала и смеялась»), метафору («бурей пронеслась с ней») [Там же: 177]. Дядя Вава, муж тети Маши, обычно равнодушный к детям, увидев Адочку, восклицает: «Ах, ты, черномазая, не отстаешь от нее!» [Там же: 177]. Взрослые люди, забывшие о любви, не догадываются о том, почему так происходит.

Ключевыми в рассказе являются темы смерти и любви. Упоминание о смерти появляется в начале произведения, когда автор сообщает о том, что от внезапной болезни умерли брат и мать Адочки. Смерть начинает подступать и к девочке. Эпизод, описывающий ее болезнь, становится кульминацией рассказа. Доктор ставит ребенку диагноз, не оставляющий надежды, – «тяжелая форма скарлатины» [Там же: 178]. Это известие не огорчает взрослых, тетя Маша «только плотнее поджала губы» [Там же: 178]. Женщина, «казалось, ... думала в это время о своей какой-нибудь неудавшейся кофточке» [Там же: 178]. Смерть девочки для нее значит не более, чем потеря любимой вещи. Дядя Вава задает вопрос: «Зачем только эти дети на свет рождаются?» [Там же: 179]. Форма безличного предложения («эти дети») свидетельствует о желании отстраниться от сострадания, чувства любви и боли при виде умирающего ребенка. Взрослые люди остаются совершенно равнодушными к страданиям девочки, они смирились с неизбежностью ее смерти.

Писатель подробно останавливается на портретном описании умирающей Адочки. Изменения во внешности («худоба», «синие пятна, подтеки, распухшие, все в ранах, губки, черные круги закрытых глаз») [Там же: 180] резко контрастируют с первой портретной характеристикой. Появляются цветовые обозначения (синий и черный), указывающие на обреченность ребенка, неизбежность его скорого ухода в мир иной. Описание глаз Адочки («большие, черные, страшные», «напряженные»)

[Там же: 180] является важнейшим средством передачи психологического состояния умирающего ребенка, глубину его страдания. В завершении эпизода появляется авторское замечание: «На подушках лежало что-то темное, грязное, маленькое» [Там же: 180]. Адочки словно уже не существует на этом свете, вместо нее «лежит что-то» [Там же: 180] бездушное.

Спасает девочку от смерти любовь отца. Описывая встречу Адочки с родным человеком, писатель прибегает к приему «диалога глаз»: «казалось, у обоих только и остались глаза», «они говорили ими» [Там же: 180]. Девочка «впилась глазами в отца», «казалось, взгляд ее достиг крайнего напряжения»: «Вот я, истерзанная, измученная, ты видишь» [Там же: 180]. Глаза отца «отвечают»: «Я нашел тебя и силой моей любви я возвращу тебя к себе, потому что моя любовь – страшная сила, та сила, которая горы, мир сдвигает» [Там же: 180]. Любовь отца совершает чудо, девочка смогла преодолеть болезнь и смерть. Здесь показано христианское понимание любви: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение» (1 Ин. 4:18). Отец силою своей любви помог дочери преодолеть смерть, подарил ей жизнь.

В рассказе «Дворец Дима» Н. Г. Гарин-Михайловский обращается к теме трагического будущего незаконнорожденных детей. Автор показывает, что общественная «мораль» не позволяет маленькому герою обрести счастье.

Основная задача писателя состоит в том, чтобы открыто заявить: взрослые относятся к незаконнорожденным детям сурово, жестоко и беспощадно. В результате жизнь такого ребенка превращается в бесконечное унижение и страдание. Взрослые, узнав о том, что ребенок родился от незаконной связи, ставят его в положение изгоя. Незаконнорожденных детей принято обманывать, скрывая тайну их происхождения. Наконец, такие дети лишаются семьи в полном смысле этого слова. Такова и история мальчика по имени Дим в одноименном рассказе Н. Г. Гарина-Михайловского.

Ранний набросок «Дворца Дима» относится к середине 1890-х годов XIX века, когда в журнале «Нижегородский листок» был напечатан рассказ «Мальчик». В первом варианте присутствовали те же действующие лица. Однако основной конфликт произведения сводился к личной драме покинутой женщины и ее ребенка. Во второй, окончательной, редакции рассказа, который получил название «Дворец Дима», писатель переносит акцент с описаний страданий матери на душевные муки ее незаконнорожденного сына. Перед нами предстает внутренний мир ребенка, раскрываются особенности детского мировосприятия.

Главный герой рассказа, Дим, – «маленький мальчик, лет семи, желтый и сгорбленный, как старик», «его большая голова, как бы от тяжести, свесилась ему на грудь, и исподлобья смотрели большие черные глаза», «взгляд их был жгучий, напряженный» [Гарин-Михайловский 1960: 262]. Портретное описание здесь играет важную роль.

Перед нами одна из «форм организации повествования» – «объективное» авторское описание», данное «с точки зрения другого персонажа» [Сырица 2005: 324].

Во «Дворце Дима», как и в других рассказах, писатель прибегает к детальной портретной прописке героя. Воссоздавая внешность мальчика, автор указывает черты, уже знакомые нам по портретной характеристике Ани, Адочки: мальчик напоминает старика («сгорбленный, как старик»), живет напряженной внутренней жизнью, полной мучительных размышлений («большие глаза», «их напряженный взгляд») [Гарин-Михайловский 1960: 262]. Жизнь ребенка осмысливается трудной ношей, отсюда в тексте появляются указания на «большую голову» мальчика, которая «как бы от тяжести свесилась ему на грудь» [Там же: 262].

В цветовой гамме портретных описаний героев-детей в рассказах Н. Г. Гарина-Михайловского (Коки, Ани, Адочки, Дима) обнаруживаются общие черты («желтый», «черные глаза»). Дим серьезно болен, на что указывает желтый цвет лица. Черный цвет глаз становится выражением внутреннего горестного, скорбного состояния ребенка. Портрет персонажа часто оказывается «связан с выражением эстетической категории красоты» [Сырица 2005: 323]. Желтый оттенок лица, неестественно большая голова указывают на внешнюю непривлекательность мальчика. При этом подчеркивается глубина его духовного мира. Автор отмечает «жгучий взгляд» героя, свидетельствующий об интенсивной внутренней мыслительной работе. Дим глядит на окружающий мир «исподлобья» [Гарин-Михайловский 1960: 262], чувствуя, что окружающие сторонятся его.

В рассказе «Дворец Дима» писатель «развивает художественные возможности изображения мира через эмоционально-психологическое восприятие ребенка» [Савина 2002: 111]. В произведении предстает мир, увиденный глазами семилетнего мальчика. Открывают рассказ обширные пейзажные описания, что позволяет раскрыть богатство чувств, мыслей, переживаний Дима.

Л. М. Поляк отмечал, что в произведениях русской литературы XIX века о детстве, начиная с появления повести «Детство» Л. Н. Толстого, складывается традиция «создания иллюзии детского восприятия жизни, детского мышления» [Поляк 1964: 20]. Это достигается благодаря «изображению обычного мира будничных вещей, предметов, быта, природы, искусства в необычном, освеженном, обновленном виде, в “остраненной” форме» [Там же: 20]. Исследователь утверждает, что «остраненное» изображение фактов, явлений жизни под углом зрения того или иного персонажа помогает обнажить суть вещей» [Там же: 20]. Впервые о приеме «остранения» писал В. Б. Шкловский в работе «О теории прозы» (М.: Круг, 1925).

Можно говорить о близости принципа повествования Л. Н. Толстого и Н. Г. Гарина-Михайловского, одинаковой субъектной организации текстов. Природа увиденна Димом «остраненно», «по-новому, острым детским зрением»

[Там же: 15]. Окружающий мир в его восприятии реализуется в разнообразных запахах («ароматно пахнет тополем», «пахнет распаренной травой»), звуках («шумят деревья», шум «сильного ветра», «где-то в листьях звонко щелкает какая-то птичка»), тактильных («горячо греет солнце») и визуальных («голубое, нежное небо») [Гарин-Михайловский 1960: 262–263] ощущениях. Дим испытывает огромное счастье, наблюдая за жизнью природы, наслаждается ее красотой, силой, энергией.

Для семилетнего ребенка характерно конкретное мышление. Описания природы, помещенные в начале рассказа, демонстрируют «вещность детского мышления, лишённого абстрактности» [Поляк 1964: 15]. Например, полевые цветы на «лужайке, которая виднелась с балкона из-за деревьев», уподоблены «бисеру» [Гарин-Михайловский 1960: 262].

При описании природы автор не использует сложных эпитетов, поскольку это не соответствует возрасту семилетнего мальчика. Писатель стремится приблизить языковые возможности текста к детскому восприятию. Преимущественно в рассказе встречаются нетропеические изобразительные эпитеты: «большие» (деревья), «светло-зеленые» (листья) [Там же: 262]. Предложения построены так, как их мог бы сформулировать семилетний ребенок: «В саду немного сыро», «Солнце горячо греет», «Росли большие деревья» [Там же: 262–263]. Мальчик ощущает внутреннюю близость миру природы: «... и он качается, как деревья» [Там же: 262].

В неожиданном, «остраненном» ракурсе видит Дим цветы на поляне. Сила детского воображения «превращает» обычный тюльпан в волшебный замок: «Мальчик смотрел на лежавший перед ним красный, прозрачный от солнца тюльпан, на мушек, которые черными точками шевелились внутри него, и думал. Он думал о том, что, может быть, это вовсе не тюльпан, а заколдованный замок, а те черные мушки – рыцари и дамы: придет ночь, загорятся огни в замке, оживут рыцари и дамы. Мальчик скопил немного уставившиеся в тюльпан глаза и подумал, снисходительно улыбаясь: “А если заглянуть в тюльпан, ничего там, кроме мушек, и нет”» [Там же: 262]. Ребенок стремится уйти от скучной, неприглядной действительности, построить свой прекрасный воображаемый мир.

Такая радужная картина почти сразу сменяется жестокой реальностью. Читатель понимает, что Дим серьезно болен. Тяжелая болезнь лишает мальчика счастливого детства. Он не может довольствоваться бегать и резвиться, ему «надо постоянно принимать лекарства» [Там же: 265]. Смерть все время угрожает Диму. Как только мальчик чувствует ее приближение, все изменяется и в природе: «И так стихло кругом, в этот зеленый уголок сада вдруг заглянуло страшное лицо смерти» [Там же: 265]. Здесь вновь подчеркивается неразрывная связь ребенка с природой.

Диму, вынужденному пребывать в состоянии покоя и малоподвижности, не хватает общения с другими детьми, поэтому его так радуют посещения соседской девочки Наташи. Автор прибегает к

приему уединенного монолога, чтобы передать первое впечатление Дима от встречи с девочкой. Маленький фантазер сравнивает свою новую знакомую с ангелом: «А может быть, у нее и крылья есть? Маленькие крылья сзади?» [Там же: 266].

Портретное описание довершает образ девочки-ангела. Перед нами тип «концентрированного портрета», представляющего собой «одноразовое описание, сосредоточенное в одном месте» [Сырица 2005: 325]. Внешность Наташи передана с помощью эпитетов («голубые» глаза, «светлые» волосы, «беленький» фартучек), сравнений («глаза, как кусочек неба», «фартучек, кажется, отдувался так, как будто под ним и были крылья») [Гарин-Михайловский 1960: 265]. Девочка-ангел лишь на короткое время появляется в судьбе Дима, приносит весть о том, что существует другой мир, прекрасный, наполненный любовью и счастьем. Наташа дает мальчику надежду и утешение.

Маленький Дим живет в благополучной, на первый взгляд, семье. У него есть уютная комната, заботливая мама, добрый и внимательный дядя, который время от времени его навещает. Больше всех на свете ребенок любит именно дядю, поскольку нуждается в мужском внимании и любви. Редкие встречи с ним становятся настоящим праздником: «О, какое счастье! Такое счастье, как будто Диму подарили что-то хорошее, с чем никогда бы он не расстался, всегда держал в руках. Большие глаза его горели, как черные алмазы, как горит солнце из-под нависшей уже черной, страшной тучи, а маленькое сердце так сильно билось, как будто торопилось поскорее отсчитать побольше ударов: сильных, ярких, больших» [Там же: 264]. Чувство радости, которое испытывает Дим при встрече с родным человеком, передается с помощью восклицательного предложения: «О, какое счастье!» [Там же: 264]. В основе сравнений, используемых в эпизоде, лежит сопоставление с образами вещей, предметов окружающего мира. Так, ощущение счастья, переживаемое Димом при встрече с дядей, сравнивается с подарком, с которым «он никогда бы не расстался, всегда держал в руках» [Там же: 264]. В тексте встречается сравнение горящих от восторга детских глаз с блеском «черных алмазов» [Там же: 263]. Еще одно сравнение построено при помощи приема психологического параллелизма: «Большие глаза его горели, как горит солнце из-под нависшей уже черной, страшной тучи» [Там же: 263].

Образ детского сердца антропоморфизмуется, осмысливается обособленным, живым существом: «... маленькое сердце так сильно билось, как будто торопилось поскорее отсчитать побольше ударов» [Там же: 263]. Метафорический эпитет «больной удар» служит средством эмоциональной выразительности речи, концентрирует внимание на душевном состоянии мальчика, испытывающего чувство любви, неотделимое от боли.

Заветной мечтой Дима становится большая и дружная семья, состоящая из многочисленных братьев и сестер. Однажды мальчик посещает церковь и рассматривает икону, изображающую Хри-

ста: «Спаситель в голубой ризе, окруженный детьми, ласково смотрит и держит руку одного из мальчиков. Над иконой по-славянски было написано: “Не мешайте детям приходиться ко мне”» [Там же: 268]. В этот момент в душе Дима «рождается мысль о всеобщем братстве и взаимной любви» [Савина 2002: 111]. Внутренний монолог героя состоит из ряда риторических вопросов: «Где Христос теперь? Видит ли Он Дима? Увидит ли Дим Его? Как будет смотреть на него Христос?» [Гарин-Михайловский 1960: 269]. Передается эмоционально-психологическое восприятие ребенком храма: «попились звуки, как лился из окна вечерний свет», мысли «плыли, как волны кадыльного дыма» [Там же: 268–269].

Однако «возвышенное настроение ребенка разрушает сама действительность» [Савина 2002: 111]. В мире, где царят социальные предрассудки, христианское понимание любви никогда не утвердится. Случайно узнав, что дядя – его настоящий отец и у него есть семья, Дим стремится встретиться со своими братьями и сестрами. Однако тетя Маша, сестра «дяди», не пускает его дальше ограды, называет «чужим ребенком» [Гарин-Михайловский 1960: 273]. Образ ограды обретает метафорическое значение, подчеркивая отверженность мальчика обществом.

Жестокое, несправедливое, равнодушное отношение родных людей наносит сердцу Дима смертельную рану. Он чувствует, как «что-то острое, чужое глубоко вошло в его сердце и осталось там, и замерло сердце в нестерпимой боли» [Там же: 274]. Автор сосредотачивает внимание на эмоционально-психологических переживаниях ребенка. Метафорический образ («все тонуло в вихре нескладных мыслей, тяжелых ощущений, точно буря неслась над ним») [Там же: 274] выражает ощущение внутреннего смятения, растерянности, потрясения, пережитых Димом.

Мальчик не может привыкнуть к мысли, что его могут не любить, отвергать и презирать. Ребенок не чувствует за собой никакой вины. Недоумение у Дима вызывает и поступок матери Наташи, которая, узнав, что он незаконнорожденный, запрещает дочери с ним общаться.

Единственный человек, который сочувствует мальчику, зная о его происхождении, – слуга Егор. Он «маленький, рябой, с козлиной бородкой, с оттопыренной нижней губой, благодаря которой имеет вид человека, которому все нипочем» [Там же: 267]. Однако за неприглядной внешностью скрывается большое сердце. Егор – простой человек из народа. На взгляд писателя, только народ сохранил понимание христианской любви, умение прощать и сострадать. В словах и суждениях Егора находят отражение авторские мысли и оценки.

Егор напоминает родным Дима, его отвергнувшим, о христианской любви: «... как нет? Говорю, грех, и чужую вещь украсть да спрятать, а вы душу детскую крадете да прячете, – бог душу жить послал, славить его имя велел, а вы нет...» [Там же: 283]. Он обличает их лживое благочестие, взывает к совести и милосердию. Речь героя изобилует экспрессивными характерологическими языковы-

ми средствами: «Что они? В церковь придут, на всю церковь кресты кладут, поклоны бьют, а черному поклоняются они» [Там же: 283]. Егор высказывает грозное предупреждение людям, забывшим о любви и сострадании, его речь строится как ряд эмоционально-экспрессивных синтаксических конструкций: «Не надо тебе, – назад возьмет свою душу господь, а не пропадет же у бога она» [Там же: 283].

Призывы Егора остаются без ответа. Дим умирает от жестокого и равнодушного отношения взрослых, не осознавших своей вины в его гибели. Примечательно, что смерть мальчика наступила в рождественский сочельник. Особенности художественного времени здесь связаны с жанровой спецификой произведения – «рождественский рассказ из жизни детей» [Там же: 262]. М. И. Бондаренко отмечает, что «специфика рождественского жанра связана с особым временем», он «ограничивает круг изображаемых событий временем отрезком святочного цикла» [Бондаренко 2006: 11].

В структуре «Дворца Дима» узнаваемой является жанровая модель «рождественского» рассказа, впервые возникшая в творчестве Ч. Диккенса, в его «Рождественской песни» (1843–1848). У Н. Г. Гарина-Михайловского воплощен один из вариантов «рождественского конфликта»: обычная жизнь людей проходит вне связи с идеями Рождества. Традиционный для «рождественского» рассказа мотив сна тесно сближается с темой смерти и мотивом чуда. Известно, что «в рождественских повестях особое место занимает героиня-отцы», причем «мотив отцовства является в рождественском жанре архетипическим, восходящим к христианскому метасюжету Отца-Спасителя и божественного дитя» [Там же: 14]. Дим, отвергнутый земным отцом, обретает Отца Небесного. «Архетип семьи» [Там же: 14] получает особое решение в рассказе Н. Г. Гарина-Михайловского. Ребенок, оказывающийся изгоем в семье отца, принят в любящую семью, объединенную любовью Христа. Жанр «рождественского» рассказа «отличается явной дидактичностью», когда «автор берет на себя функции проповедника и воспитателя» [Там же: 15]. Во «Дворце Дима» звучит назидание всем тем, кто презирает ребенка. Автор подчеркивает, что общественные законы морали и нравственности вступают в противоречие с Божественным законом.

«Рождественский» рассказ «берет свое начало в мистерии, где художественное пространство трехмерно, трехуровнево: мир земной, реальный; мир горний, небеса и последний – преисподняя, ад» [Минералова 2002: 127]. Путь героя выстраивается как «нисхождение – путь в ад, который материализуется в жизни земной, но этот путь чреват восхождением (или даже вознесением)» [Там же: 127]. Жизненный путь Дима осмысливается как восхождение от земного мира, юдоли страданий, к небесному, где возможны любовь и счастье. В центре «рождественского» рассказа находится изображение судьбы обездоленных детей, образ ребенка-жертвы. У Н. Г. Гарина-Михайловского Дим является жертвой жестокости и равнодушия окружающих людей.

В рассказе «Дворец Дима» обозначаются проблематика и образно-мотивная структура, сложившиеся в русской «рождественской» истории, прежде всего в «Мальчике у Христа на елке» (1876) Ф. М. Достоевского. Произведение объединяет хронологическая структура (время действия – Рождество), место, где развивается сюжет, связывается с темой страданий и унижений ребенка. Рождество осмысливается мистическим временем, когда в жизни героев-детей происходят важнейшие события, сопряженные с представлением о цели и смысле земного бытия, неизбежности и трагичности смерти.

Тема Рождества является ведущим сюжетно-композиционным принципом «рождественских» рассказов Ф. М. Достоевского и Н. Г. Гарина-Михайловского, определяющим основной круг социальных вопросов и духовно-нравственной проблематики. Наступившее Рождество призывает людей вспомнить о цели прихода Господа Иисуса Христа в земной мир, данных Им заповедях, изложенных в Евангелии. Мысль о неисполнении заветов Христа, выраженная у Н. Г. Гарина-Михайловского, является прямым продолжением темы равнодушия окружающих людей к голодному, замерзающему ребенку из рассказа Ф. М. Достоевского. Сюжет о жестокости семьи отца, не разрешающего в праздник Рождества увидеться Диму со своими братьями и сестрами, развивает мотив холодного человеческого сердца, лишённого любви и милосердия, звучащего в «Мальчике у Христа на елке». Смерть ребенка в обоих рассказах осмысливается как переход в иной, счастливый мир, полный любви. В произведениях подчеркнуты не социальные, а нравственно-этические причины трагичности детской судьбы.

В сознании умирающего Дима рождается образ дворца, являющегося прибежищем всех отвергнутых детей. Пространство, созданное воображением мальчика, напоминает сказку: дворец «прекрасен», состоит из «множества колонн», весь пронизан светом, поскольку сделан из «жемчуга» и «ярко сверкают светлые залы его» [Гарин-Михайловский 1960: 284]. С образом дворца в текст входит идиллическая тема, определяющая возможность «мирного, безмятежного, спокойного, счастливого существования» [Ляпушкина 1996: 6]. Идиллические характеристики переданы с помощью эпитетов («прозрачная, светлая даль» садов и полей, «нежная» музыка) [Гарин-Михайловский 1960: 284].

Дворец – это и Царствие Божие. Мотив света («светлый» дворец, «светлые» залы, «светлая» даль) [Там же: 284] сопрягается с образом Бога и рая: «И насадил Господь Бог рай в Едеме. <...> И ночи не будет там, не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» (Откр. 21:11). Над воротами дворца помещены слова: «Отведите от себя ложь, и правда приведет вас сюда» [Там же 1960: 285]. В Царстве Божием важны ценности любви и правды.

Оказавшись во дворце, Дим переживает полноту счастья и безмятежности, которых был лишен при жизни: «О, как хорошо ему, как он счастлив

теперь...» [Там же 1960: 285]. Это соотносится с библейским представлением о рае, в нем – «радость и веселие будет..., славословие и песнопение» (Ис. 51:3). В «детском дворце» [Там же 1960: 285] Дим обретает братьев и сестер во Христе.

Выводы

В малой прозе Н. Г. Гарина-Михайловского получают воплощение тема «тяжелого» детства и образ страдающего ребенка, ощущающего тяжесть земного бытия. Внимание писателя сосредоточено на рассмотрении проблемы трагического положения детей, не зависящего от социального и материального благополучия. Н. Г. Гарин-Михайловский считал, что в судьбе ребенка важную роль играют родители, поэтому доминирующей в рассказах становится тема взаимоотношений отца и сына. Разрушение семейных связей, ситуация разлада, отсутствия душевной близости между родными людьми встречается и в повести «Детство Темы». В результате можно говорить об общих законах поэтики произведений Н. Г. Гарина-Михайловского, обращенных к теме детства. В основе социальных проблем (воспитательные вопросы, положение незаконнорожденного ребенка, смерть детей вследствие нищеты и голода) лежат духовно-нравственные причины, связанные с утратой обществом представлений о христианских заповедях любви, милосердия и сострадания. Обращение к жанровой модели «рождественского» рассказа позволяет автору, вслед за Ф. М. Достоевским, обратиться с «проповедью» к обществу, забывшему о Боге.

Образ ребенка в малой прозе Н. Г. Гарина-Михайловского предстает беззащитным и ранимым. Его душевная хрупкость становится наиболее ощутимой в столкновении с миром взрослых. Спасительная родительская любовь оказывается способной помочь ребенку преодолеть болезнь и смерть. Однако чаще всего герои-дети сталкиваются с равнодушием и жестокостью близких людей. Писатель возлагает вину за страдания и душевные мучения ребенка на взрослых, которые являются причиной преждевременного ухода детей из жизни. Ребенок выбирает смерть как единственный выход из создавшегося трагического положения. Писатель адресует свои произведения родителям, напоминая им об ответственности за каждую детскую судьбу.

Ведущим приемом воссоздания героя-ребенка в рассказах становится портретная характеристика. Автор подчеркивает сходство детей со стариками, ребенок похож на «маленького взрослого». Н. Г. Гарин-Михайловский создает разные типы портретов (рассредоточенный, концентрированный), выделяет доминантные детали (желтый цвет лица, черные глаза). Особенности эмоционально-психологического восприятия ребенком окружающего мира передаются с помощью приема «остранения». Излюбленными приемами становятся несобственно-прямая речь, «диалог глаз», психологический параллелизм, разные виды монологов (исповедальный, обращенный, уединенный), антропоморфизация.

Литература

- Бондаренко, М. И. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840-х – 1890-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бондаренко М. И. – Коломна, 2006. – 28 с.
- Бялый, Г. А. Гарин-Михайловский / Г. А. Бялый // История русской литературы : в 10 т. – М. : АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1954. – Т. 10. Литература 1890–1917 годов. – С. 514–528.
- Гарин-Михайловский, Н. Г. Собрание сочинений : в 5 т. / Н. Г. Гарин-Михайловский. – М. : Гослитиздат, 1960. – Т. 4. Очерки и рассказы. 1895–1906. – 723 с.
- Гордович, К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество : монография / К. Д. Гордович. – СПб. : Petronivs, 2014. – 311 с.
- Крылова, М. А. Автобиографическая тетралогия Н. Г. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»): Проблема жанра : дис. ... канд. филол. наук / Крылова М. А. – Нижний Новгород : [б. и.], 2000. – 228 с.
- Курешева, Н. Д. Творческий путь Н. Г. Гарина-Михайловского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Курешева Н. Д. – М., 1955. – 16 с.
- Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 76–90.
- Ляпушкина, Е. И. Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов» / Е. И. Ляпушкина. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. – 147 с.
- Минералова, И. Г. Детская литература / И. Г. Минералова. – М. : ВЛАДОС, 2002. – 174 с.
- Никольский, Е. В. «В начале жизни школу помню я»: автобиографические повествования о сложном детстве (специфика проблематики и жанра) / Е. В. Никольский // Пушкинские чтения-2013: художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XVIII Международной научной конференции. – СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2013. – С. 27–33.
- Прокопьев, В. В. Тетралогия Н. Г. Гарина-Михайловского : дис. ... канд. филол. наук / Прокопьев В. В. – М. : [б. и.], 1964. – 290 с.
- Поляк, Л. М. Алексей Толстой – художник / Л. М. Поляк. – М. : Наука, 1964. – 462 с.
- Савина, Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л. Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы») : монография / Л. Н. Савина. – Волгоград : Перемена, 2002. – 282 с.
- Сырица, Г. С. Филологический анализ текста / Г. С. Сырица. – М. : Флинта ; Наука, 2005. – 341 с.
- Туманян, Л. А. Н. Г. Гагарин-Михайловский: (Жизнь и творчество) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Туманян Л. А. – Ленинград, 1952. – 15 с.
- Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 437 с.
- Цирулев, А. Ф. О жанровой специфике автобиографического цикла Н. Г. Гагарин-Михайловский / А. Ф. Цирулев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4 (46), ч. 1. – С. 203–205.
- Юдина, И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность / И. М. Юдина. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 238 с.

References

- Bondarenko, M. I. (2006). *Traditsii «Rozhdestvenskikh povestei» Dikkensa v russkom svyatochnom rasskaze 1840-kh – 1890-kh godov* [Traditions of Dickens's "Christmas Tales" in the Russian Christmas Story of the 1840s – 1890s]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kolomna. 28 p.
- Byalyy, G. A. (1954). *Garin-Mikhailovskii* [Garin-Mikhailovsky]. In *Istoriya russkoi literatury: v 10 t.* Moscow, AN SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom). Vol. 10. Literatura 1890–1917 godov, pp. 514–528.
- Garin-Mikhailovsky, N. G. (1960). *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works, in 5 vols.]. Moscow, Goslitizdat. Vol. 4. Ocherki i rasskazy. 1895–1906. 723 p.
- Gordovich, K. D. (2014). *N. G. Garin-Mikhailovskii: lichnost' i tvorchestvo* [N. G. Garin-Mikhailovsky: Personality and Creativity]. Saint Petersburg, Petronivs. 311 p.
- Khalizev, V. E. (2002). *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Vysshaya shkola. 437 p.
- Krylova, M. A. (2000). *Avtobiograficheskaya tetralogiya N. G. Garina-Mikhailovskogo («Detstvo Temy», «Gimnazi-sty», «Studenty», «Inzhenery»): Problema zhanra* [Autobiographical Tetralogy by N. G. Garin-Mikhailovsky ("Theme's Childhood", "Gymnasium Students", "Students", "Engineers"): The Problem of the Genre]. Dis. ... kand. filol. nauk. Nizhny Novgorod. 228 p.
- Kuryshcheva, N. D. (1955). *Tvorcheskii put' N. G. Garina-Mikhailovskogo* [The Creative Path of N. G. Garin-Mikhailovsky]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 16 p.
- Lotman, Yu. M. (1992). *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury* [About Two Models of Communication in the Cultural System]. In *Izbrannye stat'i v trekh tomakh.* Tallin, Aleksandra. Vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury, pp. 76–90.
- Lyapushkina, E. I. (1996). *Russkaya idilliya XIX veka i roman I. A. Goncharova «Oblomov»* [Russian Idyll of the 19th Century and I. A. Goncharov's Novel "Oblomov"]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 147 p.

Mineralova, I. G. (2002). *Detskaya literatura* [Children's Literature]. Moscow, VLADOS. 174 p.

Nikolsky, E. V. (2013). «V nachale zhizni shkolu pomnyu ya»: avtobiograficheskie povestvovaniya o slozhnom detstve (spetsifika problematiki i zhanra) ["At the Beginning of My Life I Remember School": Autobiographical Narratives about a Difficult Childhood (Specific Issues and Genre)]. In *Pushkinskie chteniya-2013: khudozhestvennye strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Saint Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina, pp. 27–33.

Polyak, L. M. (1964). *Aleksei Tolstoi – khudozhnik* [Alexey Tolstoy as an Artist]. Moscow, Nauka. 462 p.

Prokopiev, V. V. (1964). *Tetralogiya N. G. Garina-Mikhailovskogo* [Tetralogy by N. G. Garin-Mikhailovsky]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 290 p.

Savina, L. N. (2002). *Problematika i poetika avtobiograficheskikh povestei o detstve vtoroi poloviny XIX v: (L. N. Tolstoi «Detstvo», S. T. Aksakov «Detskie gody Bagrova-vnuka», N. G. Garin-Mikhailovskii «Detstvo Temy»)* [Problematics and Poetics of Autobiographical Novels on Childhood Dating to the Second Half of the 19th Century : (L. N. Tolstoy "Childhood", S. T. Aksakov "The Years of Childhood of Bagrov the Grandson", N. G. Garin-Mikhailovsky "Tyoma's Childhood"). – Volgograd, Peremena. 282 p.

Syritsa, G. S. (2005). *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Moscow, Flinta, Nauka. 341 p.

Tsirulev, A. F. (2015). O zhanrovoi spetsifike avtobiograficheskogo tsikla N. G. Gagarin-Mikhailovskii [On the Genre Specificity of the Autobiographical Cycle of N. G. Gagarin-Mikhailovsky]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4 (46). Part 1, pp. 203–205.

Tumanyan, L. A. (1952). *N. G. Gagarin-Mikhailovskii: (Zhizn' i tvorchestvo)* [N. G. Gagarin-Mikhailovsky: (Life and Work)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad. 15 p.

Yudina, I. M. (1969). *N. G. Garin-Mikhailovskii: zhizn' i literaturno-obshchestvennaya deyatel'nost'* [N. G. Garin-Mikhailovsky: Life and Literary and Social Activities]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 238 p.

Данные об авторе

Шестакова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия).
Адрес: 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17.
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru.

Author's information

Shestakova Elena Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

Дата поступления: 10.06.2023; дата публикации: 24.06.2024

Date of receipt: 10.06.2023; date of publication: 24.06.2024